

УДК 94(470.5)
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-104-114

Социальная характеристика уральских полицейских первой половины XIX века (по формулярным спискам чиновников Пермской губернии за 1845 год)

С. М. Рязанов

*Пермский институт ФСИН России
Пермь, Россия*

Аннотация

Несмотря на давнюю традицию изучения государственных служащих Российской империи в отечественной и зарубежной историографии, дореформенное полицейское чиновничество Урала остается практически неисследованным. Автор проанализировал сохранившиеся формулярные списки 164 полицейских чиновников Пермской губернии на 1845 г. Хотя среди земских исправников, городничих и полицмейстеров преобладали представители дворянского сословия, как правило, поместьями или крепостными они не обладали. Анализ демографических характеристик чиновничьего состава показал, что средний возраст начальствующего состава равнялся 47 годам, тогда как для остальных категорий он был значительно ниже. По «Табели о рангах» наиболее успешно продвинулись «исполнительные чины». В то же время каждый третий пристав и квартальный надзиратель имел судимость. Эти данные приводят к выводу о низком качественном уровне состава полиции николаевского времени.

Ключевые слова

база данных, городничий, земский исправник, земский суд, канцелярия, классные чины полиции, правонарушение, просопография, становой пристав, частный пристав

Для цитирования

Рязанов С. М. Социальная характеристика уральских полицейских первой половины XIX века (по формулярным спискам чиновников Пермской губернии за 1845 год) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 104–114. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-104-114

Social Characteristics of the Ural Policemen in the 1st Half of the 19th Century (According to the Service Records of Officers in the Perm Province for 1845)

S. M. Ryazanov

*Perm Institute of the Federal Penitentiary Service
Perm, Russian Federation*

Abstract

Up until now Russian and foreign researchers have been studying various aspects of servicemen for more than a century and a half. However, the problem of pre-reform police bureaucracy in the Ural has stayed out of the focus of academic discussion. Therefore, the author chose this subject for the research project. The study is based on the database compiled by the author from service records of 164 police officers of the Perm province for 1845 preserved in the State Archives of the Perm region. For a more objective approach to the social and service characteristics of police officers, the author sequentially built three collective portraits using the information from database: the chief of police,

© С. М. Рязанов, 2021

an executive officer, and a clerical officer. Although representatives of the nobility predominated among the police officers of local governments (*zemstvo*), mayors and police chiefs usually did not possess estates or serfs. Officials of a lower rank came, predominantly, from clerks, chief officers, and clergy children. Service practices also differed: police officers, mayors and police chiefs of local governments usually belonged to army officers incapable of further military service. Executive officials often began their career, albeit not in the police, but still in the civil service. An analysis of the demographic characteristics of the bureaucratic staff shows that the average age of police chiefs was 47 years, the rest of the executive ranks – about 39 years old, clerical officials – 27 years. According to the “Table of Ranks”, the executive ranks more rapid and successful career growth. At the same time, every third bailiff and quarterly overseer had a criminal record. And every fifth clerical official had negative attestation. This allows the conclusion about the low level of professionalism of the class police officers during the reign of Nicholas I. Against the background of an ever-growing range of law enforcement and administrative tasks of the police, the situation on the ground was problematic. Ultimately, this was one of the reasons for the reorganization of the police in 1862.

Keywords

database, mayor, *zemstvo* police chief, *zemstvo* court, chancellery, class ranks of the police, offense, prosopography, police officer, bailiff

For citation

Ryazanov S. M. Social Characteristics of the Ural Policemen in the 1st Half of the 19th Century (According to the Service Records of Officers in the Perm Province for 1845). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 104–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-104-114

19 апреля 1836 г. на петербургской сцене была впервые показана комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» [Касумова, 2003], и с тех пор образ провинциального чиновника николаевского времени в общественном сознании неразрывно связан с гоголевскими персонажами. Однако насколько соответствовал художественный образ объективной реальности российской провинции?

Эволюция чиновничества Российской империи – тема, широко представленная как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Одними из первых к вопросам происхождения и развития отечественной бюрократии обратились дореволюционные исследователи, принадлежащие к «государственной школе», – Б. Н. Чичерин и А. Д. Градовский, применив для их изучения формально-юридический метод. Как социальную группу, обладавшую отличными от других категорий населения чертами, рассматривали чиновничество в начале XX столетия В. О. Ключевский и В. В. Ивановский [Оспанова, 2015. С. 499]. Во второй половине XX столетия возрос интерес к истории российского чиновничества на Западе. Российской бюрократии первой половины XIX в. посвятили свои работы Х. И. Торке, У. М. Пинтер, У. Б. Линкольн, Р. Уортман и др. [Orlovsky, 1978. P. 450]. Заметных успехов в изучении государственных служащих Российской империи достигли советские ученые. Имея, в отличие от своих зарубежных коллег, доступ к отечественным архивам, они не только активно использовали формулярные списки для изучения личного состава чиновничества, но и занимались критикой данного источника. М. Ф. Румянцева [1985] исследовала формулярные списки служащих местных государственных учреждений конца XVIII в., а П. А. Зайончковский [1978] – высшей бюрократии XIX столетия.

Еще в дореформенной России начинает развиваться историография исследований института полиции. В трудах И. А. Андриевского, А. Д. Градовского, И. Т. Тарасова и других представителей либеральной профессуры был представлен либерально-критический подход к истории данного института. В советские годы новую марксистскую интерпретацию эволюция «царской полиции» получила в работах Р. С. Мулукаева и других ученых из вузов МВД СССР [Сичинский, 2010. С. 8–12]. Параллельно с этим под влиянием «молодежной революции» 1968 г. к истории полиции обратились на Западе. В частности, Р. Аббот, Н. Вейсмен, Дж. ЛеДоннэ, Р. Тустон и др. изучили опыт построения органов внутренних дел в Российской империи [Weissman, 1985. P. 46]. Однако наиболее активное исследование полиции, в том числе ее региональной специфики, началось в Российской Федерации в конце

1990-х гг., накануне 200-летия МВД, и продолжается до настоящего времени [Сичинский, 2010. С. 13–17].

В то же время дореформенное полицейское чиновничество Урала – тема, практически не исследованная, хотя сохранившиеся формулярные списки предоставляют широкие возможности для его анализа. На материалах Оренбургской губернии в научный оборот введены лишь формуляры земских исправников [Там же. С. 108–111] и городничих [Детинина, 2015]. Несмотря на очевидно большее влияние начальства на функционирование института полиции, чем других полицейских, все-таки приходится констатировать, что они составляли лишь около 12 % от общей численности земской и городской полиции МВД. К тому же, как будет показано ниже, по своему происхождению и служебным практикам они значительно отличались от «общей массы». Таким образом, целью настоящего исследования является социальная характеристика полицейских чиновников Пермской губернии николаевского времени на основе анализа их формулярных списков. Решение данной задачи необходимо для выявления специфики полицейского чиновничества Урала дореформенной эпохи и особенностей функционирования провинциального административного аппарата (земский суд, городская полиция). Кроме того, в недостатках чиновничьего состава николаевской полиции крылись и причины ее преобразования в 1862 г.

Реформа полиции Александра II была направлена на усиление профессионализации и единоначалия полиции взамен старого сословно-коллегиального принципа. Если в дореформенной России глава уездной полиции – земский исправник – избирался дворянством, то по новым «установлениям» уездный исправник назначался губернатором. Ввиду увеличения объема делопроизводства уездной полиции появилась новая должность помощника исправника. Кроме того, реформа содержала в себе элемент централизации. Если ранее полиция уездных городов была самостоятельна и подчинялась городничим, то в 1862 г. она была объединена с земским судом под единым началом уездного исправника. Сами же земские суды переименованы в уездные полицейские управления. Однако дальше централизация полиции не пошла: в губернских городах и «значительных» уездных сохранились самостоятельные полицейские управления, возглавляемые полицмейстерами (ПСЗ-II, 1865. С. 588–593). Причины данных преобразований во многом крылись в тех недостатках дореформенного полицейского чиновничества, о которых пойдет речь в настоящей статье.

Помимо полиции, подведомственной МВД, на территории Пермской губернии до реформы 1862 г. существовали значительные полицейские силы Министерства финансов. Однако предметом настоящей публикации будет исключительно полицейское чиновничество МВД на территории губернии. В функциональном плане слой полицейских чинов ведомства никогда не был однороден и достаточно четко подразделялся на «канцелярских служащих» (архивариусы, канцелярские служащие, канцеляристы, писцы, письмоводители, повытчики, помощники повытчиков, столоничальники, регистраторы), «исполнительных чиновников» (старшие неперменные заседатели, заседатели по дровяной операции, станковые приставы, частные приставы, квартальные надзиратели) и «полицейское начальство» (городничие, земские исправники, полицмейстер). Последние хотя формально и принадлежали к «исполнительным чинам», в действительности сильно отличались от остальных полицейских как по своему правовому, так и социально-сословному статусу. Таким образом, для достижения поставленной цели представляется более рациональным исследовать не «пермского полицейского вообще», а «коллективные портреты» «полицейского начальства», «исполнительного чиновника» и «канцелярского служащего».

Для решения поставленных задач использовался просопографический анализ – построение «коллективных портретов» на основе электронной базы данных. В Государственном архиве Пермского края сохранились формулярные списки 164 полицейских, служивших в 1845 г.

по ведомству МВД¹. Сведения, изложенные в формулярах чиновников, как показали еще исследования советских авторов, обладают высокой степенью достоверности [Зайончковский, 1978. С. 8–13; Румянцева, 1985]. Среди документов Пермского губернского правления отложились формулярные списки полицейских чинов 10 земских судов из 12 и всех 11 городских полиций, находившихся в подчинении МВД. Таким образом, помимо достоверности формулярные списки, выявленные в Пермском архиве, обладают еще и высокой репрезентативностью. На их основе была составлена база данных «Полицейские Пермской губернии. 1845 г.».

Земские исправники и городничие появились на Урале в результате губернской реформы Екатерины II: первые выбирались дворянством в числе трех кандидатов, из которых наместническое правление назначало наиболее достойного, вторые назначались Сенатом по представлению наместнического правления (ПСЗ-I, 1830. Т. 20. С. 235). В 1805 г. принцип назначения «от правительства» по представлению губернского правления был введен на Урале и для земских исправников. Эта прогрессивная, по крайней мере «на бумаге», система продержалась недолго. В 1814 г. в связи с большим количеством пострадавших на войне 1812 г. ее сменила практика назначения на руководящие полицейские должности, помимо предлагаемых губернским правлением кандидатов, офицеров-инвалидов, все еще «способных к статской службе». Эта система выполняла двоякую функцию: во-первых, обеспечивала социальную защиту ветеранов, во-вторых, в связи с нежеланием дворянства идти на полицейскую службу пыталась улучшить качество личного состава опытными и образованными кадрами военных. В действительности подобная «синекура» в совершенно новой для офицеров сфере, к тому же связанная с широкими административно-властными полномочиями, нередко приводила к тому, что они не справлялись с поставленными задачами или нарушали закон [Анисин и др., 2017. С. 12]. Жалование полицейских чиновников Урала, даже самого высокого ранга, оставалось скромным: для земских исправников – 285 р. 92 к. [Сичинский, 2005. С. 60], для городничего – до 300 р. в год [Детинина, 2015. С. 39]. «Все они без исключения глубоко и громко сознают, что их положение гораздо ниже их достоинства, что одна нужда может их держать в этом “чернильном мире”, что если б не бедность и не раны, то они управляли бы корпусами армии или были бы генерал-адъютантами», – вспоминал об этой социальной группе А. И. Герцен в «Былом и думах» (Герцен, 1956. С. 228).

Среди 21 земского исправника, городничего и полицмейстера Пермской губернии из дворян происходило 13 (61,9 %), двое – из обер-офицерских детей, один утвержден в дворянстве в 1844 г. Кроме них, было еще по одному представителю от духовенства (подъяческий сын), от канцелярских служителей и даже от бывших дворовых людей (!). Двое были обозначены как вольноопределяющиеся. Таким образом, несмотря на достаточно пестрый социальный состав должности земских исправников, городничих и полицмейстеров занимало, преимущественно, дворянство. Более отчетливо «дворянское господство» ощущалось на Южном Урале. Из 19 земских исправников Оренбургской губернии первой половины XIX в. дворянским происхождением могли похвастать 16 (84,21 %), еще двое происходили из обер-офицерских детей, один был сыном купца [Сичинский, 2010. С. 109]. Среди 20 пермских и оренбургских городничих, по данным на 1845 г., дворяне составляли 80 % [Детинина, 2015. С. 37]. Несмотря на специфику полицейской службы, указанная тенденция, когда при «недворянском» составе основной массы чиновничества, руководящие посты отводились, преимущественно, лицам благородного происхождения была характерна, как отмечала Л. Ф. Писарькова [1995], для дореформенной гражданской службы в целом. Относительно высокая доля «разночинцев» на руководящих должностях в полиции Урала, вероятно, объяснялась тем, что в окраинные губернии дворяне ехали с большой неохотой.

¹ ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 32–32в.

В качестве другого показателя для понимания социальной страты, которую занимали высшие полицейские чины, могло бы быть использовано образование. Однако в формулярах первой половины XIX в. оно указывалось редко. Отмечено лишь, что будущие кунгурский и шадринский городничие окончили кадетские корпуса². Однако можно с большой долей вероятности предположить, что дворяне-офицеры имели лучшее образование, чем «основная масса» полицейского чиновничества.

В отличие от полицейских пореформенной эпохи, земские исправники, городничие и полицмейстеры предшествующего периода порой владели недвижимым имуществом или даже крепостными. Так, в Пермской губернии недвижимая собственность в виде городского дома отмечена у троих (14,29 %). Пятеро (23,81 %) владели крепостными (от 1 до 24 ревизских душ). Не могли похвастать значительными поместьями и полицейские Оренбургской губернии. Из 16 земских исправников имениями владели семеро (44 %), при этом у большинства число крепостных не превышало 13 чел. [Сичинский, 2010. С. 110]. Такое малое число «душ обоего пола» однозначно говорит о том, что обеспечить дворянина его «имение» не могло, а следовательно, служба в полиции становилась для земских исправников и городничих основным источником дохода.

Из 21 земского исправника, городничего и полицмейстера Пермской губернии 19 (90,48 %) были православными, один исповедовал католицизм, один – лютеранство. Большинство полицейских (14 чел., 66,67 %) были женаты, двое (9,52 %) – вдовцы. В среднем на каждого женатого и вдового полицейского приходилось 2,81 ребенка. Семьи троих чиновников (21,43 %) были бездетны. Наибольшее число детей (семерых) имел ирбитский земский исправник Н. Ф. Грен. У большинства женатых и вдовцов чиновников (11 чел., 68,75 %) было не более четырех детей. Однако всем им надо было дать образование, материальное обеспечение и прочее в соответствии с социальным статусом родителя.

К служебному росту за пределами Пермской губернии, в различных воинских подразделениях Российской империи, приступили 16 из 21 (76,19 %) представителя полицейского начальства. Подобная ситуация была характерна и для других мест. Так, Е. П. Сичинский отмечает, что среди 24 южно-уральских земских исправников первой половины XIX в. 90,48 % составили бывшие военнослужащие [Там же. С. 111]. А из 20 уральских городничих по спискам 1845 г. с военной службы свой путь начали абсолютно все [Детинина, 2015. С. 37, 38]. Данная ситуация была связана с особенностями законодательства: правительство позволяло губернаторам назначать земских исправников самостоятельно (с разрешения министра внутренних дел), в то время как городничие направлялись в регион центральными властями, как правило, из неспособных к строевой службе инвалидов.

Средний возраст полицейского начальства в Пермской губернии в 1845 г. составил 47,25 лет. Самым молодым был 34-летний Д. С. Яковлев – шадринский земский исправник, а самым старым – 68-летний ирбитский земский исправник Н. Ф. Грен. Несколько моложе, по подсчетам Л. Ф. Мерзляковой, были вятские городничие: их средний возраст составлял в первой половине XIX в. приблизительно 40 лет [Мерзлякова, 1997. С. 101].

Определенным престижем для полицейского обладал чин как некое нематериальное вознаграждение за добросовестную выслугу лет или за заслуги. В Пермской губернии на 1845 г. имелось 4 (19,05 %) городничих XIII класса (подпоручики), 5 (23,81 %) земских исправников и городничих X класса (штабс-капитаны, штабс-ротмистр, коллежский секретарь), 5 (23,81 %) – IX класса (титулярные советники, капитан), 3 (14,29 %) – VIII класса (коллежские асессоры, майор), 2 (9,52 %) – VII класса (надворный советник и подполковник), 2 (9,52 %) – VI класса (коллежский советник и полковник). Таким образом, учитывая, что должности городничего и земского исправника принадлежали к VIII классу по «Табели о рангах», своего «потолка» не достигли, как минимум, две трети чиновников. Вероятно, это

² ГАПК. Ф. 36. Оп. 2. Д. 32в. Л. 23, 145.

связано с длительными сроками пребывания в отставке и нежеланием переходить из военных в «статские» чины.

Важной проблемой является то, насколько хорошо справлялись бывшие военные офицеры со своими новыми обязанностями полицмейстеров, земских исправников и городничих. Показателем эффективности работы полицейского в некоторой степени могут служить благодарности, денежные премии, ордена, медали и другие формы поощрения. Всего орденов за военную службу было удостоено 13 (61,9 %), а иные поощрения имели 18 (85,71 %) земских исправников и городничих Пермской губернии. Однако в большинстве случаев это были медали и благодарности за военную службу. Поощрения за «статскую службу» как в Пермской, так и в других губерниях имели 9 (42,86 %) полицейских. Например, пять поощрений за полицейскую деятельность в Пермской губернии имел участник Русско-турецкой войны (1828–1829) и подавления польского восстания (1830–1831) В. И. Штамм. На тот момент пермский городничий, а впоследствии первый полицмейстер, ветеран войны 1812 г. Н. И. Трухин за свою работу на благо г. Перми был в 1848 г. удостоен погребения на Архиерейском кладбище, где хоронили лишь наиболее уважаемых жителей (Адрес-календарь, 1913. С. 75).

Сведения о взысканиях в виде судимостей попадали в формулярные списки полицейских первой половины века гораздо чаще, чем у правоохранителей последующего периода. Однако у земских исправников, городничих и полицмейстера судимостей не встречается. Возможно, свою роль играли «прежние заслуги» военных офицеров: пермские власти просто не доводили дело до суда при незначительных проступках ветеранов. Однако губернатор имел право в случае неудовлетворительной службы бывшего военного в течение шестимесячного испытательного срока добиться отстранения его от должности. Но на 1845 г. практически все пермские земские исправники и городничие были уже утверждены в своем статусе. Согласно аттестации в том же году оренбургского губернатора отрицательной отметки не имел ни один из 10 городничих, лишь трое не могли быть повышены чином из-за нахождения под следствием или судом [Детинина, 2015. С. 37], что, впрочем, будет характерно и для второй половины XIX столетия.

В связи с тем, что списки на определенный год характеризуют только чиновников, которые остаются на службе, более подходящим источником для демонстрации эффективности дореформенного руководства могут служить результаты ревизии гражданских губернаторов. А вот они характеризуют деятельность полиции первой половины XIX в. весьма отрицательно. «...Бумаги вместе с делами сложены в кучах, не разобраны. При таком смешении невозможно удостовериться, сколько за полицией числится нерешенных дел. Видно только, что дела эти... лежат по несколько лет без всякого движения», – характеризовал в 1839 г. состояние полицейского делопроизводства в губернском центре (!) вятский губернатор. Помимо полицмейстера за медлительность в производстве дел по результатам ревизии 1839 г. своих должностей лишились 4 земских исправника и елабужский городничий, т. е. более четверти всех земских исправников и городничих губернии (27,27 %). Кроме того, было заведено 10 уголовных дел о злоупотреблениях чиновников Малмыжского земского суда [Мерзлякова, 1997. С. 122, 123].

«Исполнительные чиновники», не возглавлявшие при этом полицейские учреждения, изначально существовали только в городах, в виде квартальных надзирателей и частных приставов. В 1837 г. они появились и в земской полиции как становые приставы – руководители обширных участков-станов, на которые делился уезд, и старшие непреременные заседатели – в каждом земском суде. Жалование станового пристава составляло на 1846 г., по данным Оренбургской губернии, – 228 р. 68 к. [Сичинский, 2005. С. 60]. Материальное обеспечение непреременного заседателя не сильно от него отличалось. Кроме того, один и тот же чиновник в Пермской губернии мог периодически переводиться с должности непреременного заседателя на должность станового пристава и обратно, что позволяет объединить всех «исполнительных чинов» (кроме начальствующих) в рамках единой исследуемой совокупности.

Из 46 «исполнительных чинов» полиции Пермской губернии в 1845 г. из дворян происходило лишь 6 приставов и заседателей (13,04 %), что в пять раз (!) меньше доли этого сословия среди земских исправников, городничих и полицмейстеров. Значительную долю составляли обер-офицерские дети – 17 (36,96 %), что в соединении с 6 (13,04 %) приказнослужительскими детьми говорило о значительном влиянии лиц, происходящих из семей гражданских чиновников. Ощутимо было здесь и присутствие духовенства. Из различных его слоев (от протоиерейских до подьяческих детей) происходил каждый пятый (11 чел., 23,91 %) «исполнительный чин». Все вышеперечисленные сословные характеристики не оригинальны и в целом отличали нижний состав российского дореформенного гражданского чиновничества с конца XVIII в. [Писарькова, 1995]. Кроме того, среди приставов встречались представители «непривилегированных сословий» – мастеровой, солдатский сын и «уроженец города Риги». Таким образом, социальный облик «исполнительных чинов» разительно отличался от начальствующего состава. Здесь не просто не ощущалось «дворянского засилья», напротив, представители этого сословия были людьми скорее случайными, тогда как «социальную сущность» данной категории составляло гражданское чиновничество и духовенство.

Сведения об образовании «исполнительных чинов» весьма отрывочны. Известно лишь, что двое дворян начинали свою службу в кадетских корпусах, а среди детей духовенства встречается несколько обучавшихся и даже окончивших Пермскую духовную семинарию.

Если среди руководства полиции 1845 г. владельцев крепостных было мало, то среди «исполнительных чинов» не встречается совсем. Однако недвижимая собственность в виде городского дома у полицейского, его родителей или супруги отмечена у 5 (10,87 %, что немногим меньше, чем у руководства).

Из 46 «исполнительных чинов» 43 (93,48 %) были православными, один исповедовал католицизм, двое – лютеранство. Таким образом, по религиозной принадлежности «начальствующий» и «исполнительный» составы полиции практически не различались. Большинство полицейских (39 чел., 82,98 %) были женаты (на 16,31 % больше, чем среди земских исправников, городничих и полицмейстеров). Трое (6,25 %) – вдовцы (на 3,27 % меньше). В среднем на каждого женатого и вдового полицейского приходилось 1,9 ребенка (на 0,91 меньше). Семьи 12 чиновников (26,09 %) были бездетны. Наибольшее число детей (семерых) имел пристав 1-го стана Камышловского уезда А. Г. Рогожников. У большинства женатых и вдовых чиновников (34 чел., 80,95 %) было не более четырех детей.

За пределами Пермской губернии начали свою службу 15 из 46 (32,61 %) полицейских. Это в два с лишним раза меньше доли «приезжих» среди земских исправников, городничих и полицмейстеров. При этом в Дворянском кадетском корпусе и различных воинских подразделениях Российской империи свою службу начало лишь 7 из них, включая 4 дворян. Большинство же, пусть и не подавляющее (8 чел., 53,33 %), начали с гражданской службы: двое – в земских судах, по одному – в городском магистрате, уездном суде, палате гражданского суда, межевой конторе, лесном департаменте. Географический охват был разнообразен: по двое – из Архангельской и Вятской, по одному – из Рязанской, Санкт-Петербургской, Саратовской, Симбирской и Смоленской губерний.

Среди местных кадров число начавших службу сразу в учреждениях полиции также было небольшим – 4 чел. (один письмоводителем горного исправника, а трое копиистами земского суда), т. е. вместе с «приезжими» 13,04 % всех «исполнительных чинов». В качестве места начала службы фигурируют: губернское правление (6), уездный суд (3), заводские конторы (3), золотые промыслы, больница, духовное правление, духовная консистория, канцелярия обер-форштмейстера, палата уголовного суда, приходское училище и уездное казначейство.

Средний возраст «исполнительного чиновника» равнялся 39,2 года (на 8,05 года моложе земских исправников, городничих и полицмейстеров). При этом возрастные границы были шире: от 25 лет (на 9 лет меньше) до 67 лет (на 1 год меньше).

Распределение по табели о рангах выглядело следующим образом: 7 (14,89 %) коллежских регистраторов (XIV), 1 (2,13 %) провинциальный секретарь (XIII), 11 (23,4 %) чиновников XII класса (губернские секретари и «чиновник XII класса»), 9 (19,15 %) коллежских секретарей (X), 14 (29,79 %) чиновников IX класса (титularные советники и капитан), 4 (8,51 %) коллежских асессора (VIII). Таким образом, учитывая, что должность станового пристава по «Табели» принадлежала только к X классу, а ряд чиновников сравнительно высоких рангов и вовсе были квартальными надзирателями (должность XII класса), большинство полицейских достигло своего «потолка», а многие его даже «перешагнули».

При этом только два становых пристава имели ордена за свою прежнюю военную службу. Сведения о благодарностях, премиях и иных поощрениях более многочисленны. Их было удостоено 50 (30,67 %) из всех полицейских Пермской губернии. Среди «исполнительных чинов» доля награжденных была выше – 46,81 % (22 чел.), и 30,43 % (14 чел.) – за службу по гражданскому ведомству.

Важные сведения как о дисфункциях института полиции, так и о «качестве» личного состава можно получить из графы формулярного списка о привлечении чиновника к судебной ответственности. По данным формулярных списков Вятской губернии на 1845 г., 22,9 % чиновников МВД имели судимость [Трушков, 2003. С. 108]. Эта цифра хорошо коррелирует с данными по Пермской губернии, согласно которым каждый пятый полицейский (31 чел., 19,14 %) был ранее судим. Очевидно, что раз чиновник был оставлен на службе, то речь шла далеко не о самых тяжких (по меркам своего времени) проступках. При этом среди приставов и квартальных надзирателей показатель судимости был значительно выше, чем в среднем по полиции, – 38,23 %. Состоящих ранее «под судом» заседателей в формулярных списках за 1845 г. не встречается. Учитывая, что в формулярах пореформенного времени сведения о судимости крайне редки, данная цифра говорит о значительно более низком уровне полицейских кадров предшествующей эпохи. По всей видимости, в условиях «кадрового голода» полицейское начальство было вынуждено работать с людьми «низких нравственных качеств», относительно большее число кандидатов в пореформенное время позволило увольнять судимых чиновников. При этом все «исполнительные чины» в 1845 г. вне зависимости от судимости аттестовались как «к службе способные, а к награждению чином достойные».

Важную роль в деятельности полиции Российской империи играли служащие канцелярий. До реформы они составляли даже большинство полицейских. Так, из 164 чиновников Пермской губернии в 1845 г. 96 (58,54 %) составляли секретари, регистраторы, столоничальники, письмоводители, писцы и другие служащие канцелярий. Материальное обеспечение их было достаточно скудным [Там же. С. 83].

Только 12 (12,5 %) из них происходили из дворян, 33 (34,37 %) – из обер-офицерских детей, 23 (23,96 %) – из детей духовенства, 22 (22,92 %) – из прикзнослужительских детей, канцеляристов и подканцеляристов. На непривилегированные сословия приходилось только четверо (4,17 %): «воспитанник Московского воспитательного дома», солдатский сын и двое мастеровых. Таким образом, основными источниками «канцелярских служителей» были дети чиновников (каждый второй) и духовенства (каждый пятый). Представители непривилегированных сословий были даже на этом самом низком уровне полицейского аппарата большой редкостью.

Собственность в виде деревянных и каменных домов была лишь у семей трех дворян и одного обер-офицерского сына. По конфессиональной принадлежности все 96 служащих канцелярий были православными. Женаты 49 (51,04 %), вдовец один и холосты почти половина (46 чел., 47,92 %), что резко отличает данную группу от «исполнительных чинов». Связано это было, по всей видимости, как со сравнительно молодым возрастом (в среднем 27,49 года), так и с низким жалованием. У каждого женатого и вдового канцелярского служителя было 0,96 ребенка. Почти половина семей (22 чел., 44,9 %) бездетна.

За пределами Пермской губернии начали свою службу 13 (13,54 %) канцелярских служителей: 5 – в Вятской, 2 – в Казанской, по одному – в Московской, Пензенской, Рязанской,

Симбирской, Тобольской и Черниговской губерниях. Таким образом, более половины «приезжих» канцелярских служителей прибыло на Средний Урал из сопредельных губерний, что отличает их от рассматриваемых выше категорий. Подавляющее большинство «канцеляристов» (74 чел., 77,08 %) чина не имело, что резко отличает их от «исполнительных чинов» своего времени. Только 10 (10,42 %) из них принадлежали к категории коллежских регистраторов (XIV), 8 (8,33 %) – губернских секретарей (XII), 4 (4,17 %) – коллежских секретарей (X).

Благодарностей и иных поощрений удостоены 10 (10,64 %) «канцелярских служителей», все – за гражданскую службу, а судимости имели 19 чел. (20 %). При этом только 21 (14,89 %) полицейский был признан начальством недостойным повышения в чине. Вообще, обращает на себя внимание, что все неаттестованные полицейские, даже по «уважительным причинам», принадлежали к числу служителей канцелярий. «По недавнему определению на службу» или недостаточной выслуге – 8 (8,42 %), а 13 (13,68 %) – по каким-либо «неблаговидным» поводам.

Таким образом, исследование полицейских чиновников на Среднем Урале приводит к выводу о неудовлетворительном составе полиции первой половины XIX в. Учитывая, что на данном этапе полиция была не только правоохранительной структурой, но и органом управления, ситуация на местах складывалась проблемная. Это хорошо осознавали центральные власти. Николай I не только лично разрешил показ гоголевского «Ревизора», но и рекомендовал посетить представление министрам [Касумова, 2003]. Верховной властью четко осознавался конфликт между нормативными требованиями к полиции и невозможностью полицейских всех рангов им соответствовать. Городничие и земские исправники имели хорошее образование, но совершенно не были мотивированы. Отсутствовала система подготовки полицейских кадров. Постоянно возрастал круг задач, но выполнять их в подобном составе полиция не могла. Это вызывало необходимость ее коренного реформирования, которое будет осуществлено в последующие царствования.

Список литературы

- Анисин А. Л., Альмухаметова М. Ш., Белкина М. В. и др.** На страже «внутренней тишины и благочиния»: страницы истории полиции Урала и Западной Сибири (XVIII – начало XX в.). Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017. 94 с.
- Детинина Е. А.** Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 36–41.
- Зайончковский П. А.** Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Касумова А. Я.** Николай I. Гоголь. Ревизор // Петербургский театральный журнал. 2003. № 2. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/32/historical-novel-32/nikolaj-i-gogol-revizor-2/> (дата обращения 29.04.2020).
- Мерзлякова Л. В.** Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 228 с.
- Оспанова А. А.** Изучение чиновничества в российской исторической науке // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 499–502.
- Писарькова Л. Ф.** Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/men/pisar_1.htm (дата обращения 29.04.2020).
- Румянцева М. Ф.** Источники о социальном составе служащих местных государственных учреждений в последней четверти XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1985. С. 194–217.

- Сичинский Е. П.** Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М.: Майор, 2005. 266 с.
- Сичинский Е. П.** Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2010. 235 с.
- Трушков С. А.** Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. Киров: ВСЭИ, 2003. 170 с.
- Orlovsky D. T.** Recent Studies on the Russian Bureaucracy. *The Russian Review*, 1976, vol. 35, no. 4, p. 448–467.
- Weissman N.** Regular Police in Tsarist Russia, 1900–1914. *The Russian Review*, 1985, vol. 44, no. 1, p. 45–68.

Список источников

- Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. Пермь: Изд. Перм. губерн. стат. комитета, 1913. 548 с.
- Герцен А. И.** Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. 518 с.
- ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 20. 1034 с.
- ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1865. Т. 37. Ч. 2. 608 с.

References

- Anisin A. L., Almukhametova M. Sh., Belkina M. V. et al.** Na strazhe “vnutrennei tishiny i blagochiniya”: stranitsy istorii politsii Urala i Zapadnoi Sibiri (XVIII – nachalo XX vv.) [On Guard of “Inner Silence and Law Enforcement”: Pages of the History of the Police of the Urals and Western Siberia (18th – Early 20th Centuries)]. Tyumen, Tyumenskii institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD, 2017, 94 p. (in Russ.)
- Detinina E. A.** Portret uezdnogo gorodnichego Orenburgskoi gubernii (po formulyarnym spiskam 1845 goda) [Portrait of the County Governor of the Orenburg Province (According to the Service Records of 1845)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Chelyabinsk State University*], 2015, no. 2, p. 36–41. (in Russ.)
- Kasumova A. Ya.** Nikolai I. Gogol'. Revizor [Nicholas I. Gogol. The Government Inspector]. *Peterburgskii teatral'nyi zhurnal* [*Petersburg Theater Journal*], 2003, no. 2. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/32/historical-novel-32/nikolaj-i-gogol-revizor-2/> (accessed 29.04.2020) (in Russ.)
- Merzlyakova L. V.** Chinovnichestvo Vyatskoi gubernii pervoi poloviny XIX veka (opyt sotsial'no-politicheskoi kharakteristiki) [Officialdom of the Vyatka Province in the 1st Half of the 19th Century (The Experience of Socio-Political Characteristics)]. Dissertation of Cand. Hist. Sci. Izhevsk, 1997, 228 p. (in Russ.)
- Orlovsky D. T.** Recent Studies on the Russian Bureaucracy. *The Russian Review*, 1976, vol. 35, no. 4, p. 448–467.
- Ospanova A. A.** Izuchenie chinovnichestva v rossiiskoi istoricheskoi nauke [Study of Bureaucracy in Russian Historical Science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [*Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*], 2015, vol. 17, no. 3, p. 499–502. (in Russ.)
- Pisarkova L. F.** Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Russian Official in the Service in the End of the 18th – the 1st Half of the 19th Century]. *Chelovek* [*Man*]. 1995, no 3. (in Russ.) URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/men/pisar_1.htm (accessed 04.29.2020).
- Rumyantseva M. F.** Istochniki o sotsial'nom sostave sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii v poslednei chetverti XVIII v. [Sources on the Social Composition of Employees

- of Local Government Offices in the Last Quarter of the 19th Century]. In: Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: sbornik statei [Research on Source Study of the History of the USSR in the Pre-October Period: Collection of Articles]. Moscow, 1985, p. 194–217 (in Russ.)
- Sichinsky E. P.** Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samodержaviya [Police of the Southern Urals during the Crisis of the Autocracy]. Moscow, Maior, 2005, 266 p. (in Russ.)
- Sichinsky E. P.** Stanovlenie politzii na Urale (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka) [The Development of the Police in the Urals (the Last Quarter of the 18th – the 1st Half of the 19th Century)]. Chelyabinsk, Chelyabinskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2010, 235 p. (in Russ.)
- Trushkov S. A.** Administratsiya i politziya Vyatskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Administration and Police of the Vyatka Province in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Kirov, VSEI, 2003, 170 p. (in Russ.)
- Weissman N.** Regular Police in Tsarist Russia, 1900–1914. *The Russian Review*, 1985, vol. 44, no. 1, p. 45–68.
- Zaionchkovsky P. A.** Pravitel'stvennyi apparat samodержavnoi Rossii v XIX v. [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl', 1978, 288 p. (in Russ.)

List of Sources

- Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Permskoi gubernii na 1913 god [Address-Calendar and Reference Book of the Perm Province for 1913]. Perm, Izdanie Permskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1913, 548 p. (in Russ.)
- Gertsen A. I.** Collected Works. In 30 vols. Moscow, AS USSR Publ., 1956, vol. 8, 518 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830, vol. 20, 1034 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2nd Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1865, vol. 37, pt. 2, 608 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
07.05.2020

Сведения об авторе

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Пермь, Россия)
s_ryazanov@mail.ru
ORCID 0000-0001-5137-3614

Information about the Author

Sergey M. Ryazanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service (Perm, Russian Federation)
s_ryazanov@mail.ru
ORCID 0000-0001-5137-3614